

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В. С. СТЕПИН

XXI Всемирный философский Конгресс
(Стамбул, 10-17 августа 2003г.)

// Вопросы философии, 2004, № 3, с. 37-43.

Важно предварительно провести различение понятий "социально-гуманитарное знание" и "социально-гуманитарные науки". Содержание первого включает результаты научных исследований, но не сводится к ним, поскольку предполагает также и иные, вненаучные формы творчества. В состав гуманитарного знания, понятого в широком смысле, включают часто философскую эссеистику, публицистику, литературную критику, произведения литературы и поэзии, акцентирующие мировоззренческую проблематику, и т.п. Что же касается социально-гуманитарных наук, то они ограничиваются только рамками научной деятельности.

Разумеется, эта деятельность не изолирована от других форм культуры, взаимодействует с ними, но это не основание для отождествления науки с иными, хотя и соприкасающимися с ней формами человеческого творчества.

Чтобы акцентировать специфику наук об обществе и человеке, часто противопоставляют естествознание и социально-гуманитарное знание. Но более продуктивно сравнивать социальные и гуманитарные науки, с одной стороны, и естественные науки, с другой. Оба вида научного познания имеют как сходство, так и различие. Их сходство определено тем, что это - две разновидности научного познания. Их различие коренится в специфике их предметной области и методов исследования. В социальных и гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требует особых методов и познавательных процедур.

Система социально-гуманитарных наук конституировалась значительно позднее математики и естествознания. Чтобы выяснить, как и каким образом возникали социальные и гуманитарные науки в качестве особой области научного знания целесообразно выделить две проблемы. Первая касается социокультурных предпосылок формирования этих наук. Вторая - механизмов становления их оснований, обеспечивающих рост и развитие соответствующих эмпирических и теоретических знаний.

Социокультурные предпосылки возникновения наук об обществе и человеке

Как и другие области научного знания, социальные и гуманитарные науки имели свои истоки еще в древности, в накапливаемых знаниях о человеке, различных способах социального поведения, условиях воспроизводства тех или иных социальных общностей. Систематизация этих фактов и их объяснение длительное время осуще-

ствлялось посредством социофилософских схем. Это была скорее предыстория социальных и гуманитарных наук. Что же касается истории этих наук в собственном смысле слова, то она началась достаточно поздно. В качестве особых научных дисциплин они конституировались в XIX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам является одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного. Именно

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В. С. СТЕПИН

XXI Всемирный философский Конгресс
(Стамбул, 10-17 августа 2003г.)

// Вопросы философии,
2004, № 3, с. 37-43.

Важно предварительно провести различение понятий "социально-гуманитарное знание" и "социально-гуманитарные науки". Содержание первого включает результаты научных исследований, но не

сводится к ним, поскольку предполагает также и иные, вненаучные формы творчества. В состав гуманитарного знания, понятого в широком смысле, включают часто философскую эссеистику, публицистику, литературную критику, произведения литературы и поэзии, акцентирующие мировоззренческую проблематику, и т.п. Что же касается социально-гуманитарных наук, то они ограничиваются только рамками научной деятельности.

Разумеется, эта деятельность не изолирована от других форм культуры, взаимодействует с ними,

но это не основание для отождествления науки с иными, хотя и соприкасающимися с ней формами человеческого творчества.

Чтобы акцентировать специфику наук об обществе и человеке, часто противопоставляют естествознание и социально-гуманитарное знание. Но более продуктивно сравнивать социальные и гуманитарные науки, с одной стороны, и естественные науки, с другой. Оба вида научного познания имеют как сходство, так и различие. Их сходство определено тем, что это - две разновидности научного познания. Их различие коренится в специфике их

предметной области и методов исследования. В социальных и гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требует особых методов и познавательных процедур.

Система социально-гуманитарных наук конституировалась значительно позднее математики и естествознания. Чтобы выяснить, как и каким образом возникали социальные и гуманитарные науки в качестве особой области научного знания целесообразно выделить две

проблемы. Первая касается социокультурных предпосылок формирования этих наук. Вторая - механизмов становления их оснований, обеспечивающих рост и развитие соответствующих эмпирических и теоретических знаний.

***Социокультурные предпосылки
возникновения наук об обществе и
человеке***

Как и другие области научного знания, социальные и гуманитарные науки имели свои истоки еще в древности, в накапливаемых знаниях о человеке, различных способах

социального поведения, условиях воспроизводства тех или иных социальных общностей.

Систематизация этих фактов и их объяснение длительное время осуще-

37

ствлялось посредством социофилософских схем. Это была скорее предыстория социальных и гуманитарных наук. Что же касается истории этих наук в собственном смысле слова, то она началась достаточно поздно. В качестве особых научных дисциплин они конституировались в XIX столетии, когда в культуре техногенной

цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам является одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного. Именно в эпоху индустриализма объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим в техногенной культуре. В это время окончательно оформляется

приоритетный статус "отношений вещной зависимости", которые подчиняют себе и ограничивают сферу "отношений личной зависимости", выступавших основой организации социальной жизни в традиционных обществах. Главным фактором такой смены социально-культурных приоритетов стало всеохватывающее развитие товарно-денежных отношений, когда капиталистический рынок превращал различные человеческие качества в товары, имеющие денежный эквивалент. К. Маркс одним из первых проанализировал процессы и социальные последствия

опредмечивания человеческих качеств в системе отношений развитого капиталистического хозяйства. Сходные мысли позднее развивал Г. Зиммель. Отталкиваясь от идей Маркса, он разработал свою философскую концепцию денег, в которой главное внимание уделялось социально-психологическим аспектам денежных отношений, их влиянию на духовную жизнь людей. Деньги рассматривались Зиммелем не только как феномен экономической жизни общества, но как универсальный способ обмена, определяющий характер отношений и общения в самых различных

областях человеческой жизнедеятельности. Зиммелем была высказана мысль о знаково-символической роли денег и их функционировании как особого культурного феномена, опосредующего отношения людей ¹ .

Комментируя книгу Зиммеля "Философия денег", современный французский психолог Серж Московичи писал: "Зиммель не открыл деньги. Тем не менее он первым охватил во всей полноте философию культуры, рожденной ими, и первым сформулировал целостную теорию их власти" ² . Эта

власть проявлялась в самых различных сферах человеческого бытия. Она фиксировала дистанцию между предметом и потребляющим его человеком. Именно благодаря деньгам как посреднику, не только материальные предметы, но и духовные сущности, идеи и ценности "становятся миром столь же автономным и объективным, как и мир физический" ³ . Деньги "раздробляют и стерилизуют, как нечто мешающее им, тот тип человеческих связей, в основе которого лежит смесь чувств и интересов, превращают личные отношения в безличные, при которых

человек становится вещью для другого человека" ⁴ .

И еще на одно свойство денег обращает особое внимание Зиммель: на их способность превращать индивидуально неповторимые вещи, состояния, человеческие качества в количественные, калькулируемые объекты.

После работ Маркса и Зиммеля эта идея была развита М. Вебером в рамках его концепции духа капитализма. Вебер особо подчеркивал роль идеала целерациональ-ного действия в становлении и функционировании

новой цивилизации, зародившейся в эпоху Ренессанса и Реформации. Этот идеал предполагал особый тип рациональности, основанной на принципах объективности, законодательного регулирования, планирования и расчета. Новая рациональность, включалась в самые различные области человеческой жизнедеятельности, организуя экономику, право, науку, искусство, повседневную жизнь людей.

Отношение к человеку как к предмету рациональной регуляции характеризовало огромное многообразие практик, сложившихся в историческую эпоху становления и

развития техногенной цивилизации. В исследованиях М. Фуко, посвященных формированию клиники, истории тюрьмы, истории сексуальности, достаточно убедитель-

38

но показано, что во всех этих, на первый взгляд малосвязанных между собой сферах человеческой жизни, реализовался некоторый общий принцип "знания-власти". Человек выступал здесь как предмет, который нужно исследовать и рационально регулировать. Фуко показывает как это отношение проявлялось в

исторически возникающей организации надзора и контроля в тюрьмах, в системе обезличенного наказания от имени закона, в правилах внутреннего распорядка тюрем, больниц, учебных заведений, в самой их архитектуре и планировке внутреннего пространства. К этому же классу феноменов, выступающих в качестве своеобразных культурных символов "знания-власти" Фуко относит: практику медицинского обследования, основанную на осмотре тела, которое предстает как объект, открытый для наблюдения; практику тестирования и медицинской документации;

публичное обсуждение проблем сексуальности; периодические смотры-экзамены в учебных заведениях, когда власть заставляет человека-объекта публично демонстрировать себя и т.п. Такого рода практики и дискурсы формировали и закрепляли новое отношение к индивиду как к объекту наблюдаемому, описываемому и регулируемому определенными правилами. Соответствующие смыслы укоренялись в мировоззренческих универсалиях культуры, в понимании человека и его социального бытия, создавая предпосылки для возникновения

социально-гуманитарных наук. Еще раз подчеркну, что речь идет о предпосылках, об особом социокультурном фоне, стимулировавшем возникновение этих наук. Предпосылки создали возможность их становления. Реализация же этих возможностей была связана с распространением ранее выработанных наукой представлений и методов на новую область исследования и формирование оснований социально-гуманитарных наук.

О генезисе оснований социально-гуманитарных наук

Становление оснований социально-гуманитарных наук первоначально осуществлялось как серия "парадигмальных трансплантаций" из области естествознания на область социально-гуманитарных исследований. Решающую роль в начальной фазе этого процесса сыграла механика как наиболее развитая наука в XVIII — начале XIX вв. Механическая картина мира в эту эпоху выполняла функции не только физической, но и естественнонаучной и общенаучной картины мира. Идеалы механистического объяснения воспринимались как олицетворение

научности, а философия механицизма выступала как функция философских оснований науки.

Наука XVIII столетия стремилась построить научное знание об обществе и человеке, используя основания механического естествознания в качестве своей исследовательской программы.

Ламетри и Гольбах используют понятия машины, силы, инерции, притяжения, отталкивания для характеристики человека. Эту же стратегию можно обнаружить, например, в социальных концепциях А. Сен-Симона и Ш. Фурье. В работе

"Труд о всемирном тяготении" Сен-Симон писал, что наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из знаний физики.

По мнению Сен-Симона, закон всемирного тяготения должен стать основой новой философии, которая в свою очередь может стать фундаментом новой политической науки. Он полагал, что "поскольку единственной наукой является классическая механика, то по своему строению история должна будет приблизиться к небесной механике"

Сходные идеи можно найти в творчестве Ш. Фурье. Он писал о существовании двух типов законов, которым подчиняется мир. Первый из них - это закон материального притяжения, приоритет открытия которого принадлежит Ньютону. Фурье полагал, что можно открыть второй тип законов, притяжения по страсти, которая является определяющим свойством природы человека.

Первые шаги к конституированию социальных наук в особую сферу дисциплинарного знания были связаны с модернизацией образов,

ческой картины мира. Хотя О. Конт, признанный одним из основоположников социологии, интерпретировал ее как социальную механику, он включал в нее представление о ее историческом развитии, которое полагал фундаментальной характеристикой общества. Общество, в его концепции уже начинает рассматриваться не как механизм, а как особый организм, все части которого образуют целостность. В этом пункте отчетливо

прослеживается влияние на
контовскую социологическую
концепцию биологических
представлений.

Дальнейшее развитие этих идей было
связано с разработкой Г. Спенсером
общей теории эволюции и
представлений о развитии общества
как особой фазе эволюции мира.
Спенсер не просто переносит на
область социальных наук идеи
биологической эволюции, а пытается
выделить некоторые общие
принципы эволюции и их
специфические конкретизации
применительно к биологическим и

социальным объектам ⁷ . Идея общества как целостного организма, согласно Спенсеру, должна учитывать, что люди как элементы общества обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре.

Дальнейшие шаги, связанные с перестройкой первичных парадигмальных образов, перенесенных из естествознания в социальные науки, были связаны с дискуссиями относительно методологии социального познания.

Эти дискуссии продолжаются и в наше время, и в центре их стоит сформулированный В. Дильтеем тезис о принципиальном отличии наук о духе и наук о природе. В. Дильтей, В. Виндельбанд и Г. Риккерт определяли это отличие через противопоставление понимания и объяснения, индивидуализации и генерализации, идеографического метода, ориентированного на описание уникальных исторических событий, и номотетического метода, ставящего целью нахождение обобщающих законов. Обозначились два крайних полюса в трактовке методов

социально-гуманитарных наук: первый полагал их идентичность, второй их резкое противопоставление. Но реальная научная практика развивалась в пространстве между этими полюсами. В этом развитии выявлялись общие для естествознания и социально-гуманитарных наук черты идеала научности и их спецификации применительно к особенностям изучаемых явлений. Рефлексия над такого рода научной практикой порождала методологические подходы, снимающие резкое противопоставление объяснения и

понимания, индивидуализации и генерализации. Например, Вебер, подчеркивая важность для социологии понимания мотивов, установок и намерений действующих субъектов, вместе с тем развивал представление об идеальных типах как обобщающих научных понятиях, посредством которых строятся объясняющие модели социальных процессов.

Нелишне отметить, что в естественнонаучном познании также можно проследить связи понимания и объяснения, хотя и в иной акцентировке, чем в социальных и гуманитарных науках. В частности,

понимание встроено в сами акты естественнонаучного наблюдения и формирования фактов. Когда современный астроном наблюдает светящиеся точки на небесном своде, он понимает, что это - звезды, огромные плазменные тела, аналогичные Солнцу, тогда как звездочет древности мог понимать это же явление иначе, например, как небесный свет, который сияет через прорези в небосводе.

Акты понимания определены культурной традицией, мировоззренческими установками, явно или неявно принимаемой исследователем картиной мира. Это

— общие черты понимания в любой области познания.

В принципе, идея согласно которой только в действиях людей исследователь имеет дело с включенными в нее ментальностями, а при изучении природы он сталкивается с неживыми и бездуховными объектами — это мировоззренческая установка техногенной культуры. В иных культурных традициях, например, в традиционалист-ских культурах, которые признают идею перевоплощения душ, познание природы и человека не столь резко различаются, как в культуре

техногенной цивилизации.

Проблема противопоставления индивидуализации и генерализации, идеографического метода, с одной стороны, и номотетического метода, с другой, также требует уточнения. Индивидуально неповторимые события имеют место не только в истории

40

общества, но и в процессах исторического развития природы - истории жизни на Земле, истории нашей Вселенной.

На уровне отдельных эмпирически

фиксируемых событий и общественные, и природные явления индивидуально неповторимы. Но наука не сводится только к эмпирическим констатациям неповторимых событий. Если речь идет об исторических процессах, то цели науки состоят в обнаружении тенденций, логики их развития, законосообразных связей, которые позволили бы воссоздать картину исторического процесса по тем "точкам-событиям", которые обнаруживает историческое описание. Такое воссоздание исторических процессов представляет собой историческую

реконструкцию. Каждая такая реконструкция лишь внешне предстает как чисто идеографическое знание. На деле же в ней идеографические и номотетические элементы соединяются особым образом, что выявляет определенную логику исторического процесса.

Исторические реконструкции можно интерпретировать как особую теоретическую модель того или иного уникального исторического процесса.

Исследования Вебера, посвященные протестантской этике и зарождению

духа капитализма, являются примером исторической реконструкции, относящейся к теоретическому осмыслению истории. То же можно сказать о работах К. Маркса, посвященных анализу революционных событий во Франции 1848-1852 гг. и 1871 г. Результаты соответствующих исследований Маркса, изложенные в его работах "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", "Гражданская война во Франции", представляют собой реконструкции, демонстрирующие в материале исторического описания его теоретическое видение.

Теоретические конструкты,

применяемые в реконструкциях, не отделены в явном виде от объясняемых ими фактов, а как бы сплавлены с ними. Они выстраивают факты в определенной логике исторического развития и демонстрируют эту логику, подобно тому, как замысел скульптора демонстрирует его скульптура. Теоретические конструкты (как, например, классы, классовый интерес в упомянутых реконструкциях К. Маркса) онтологизируются, приписываются реальности и представляют реконструируемый исторический процесс как самую реальную историю,

а не как одну из ее моделей. Эта особенность исторических реконструкций часто приводит к их неправомерному отождествлению с эмпирическим описанием.

Но достаточно указать на то обстоятельство, что один и тот же набор фактов и один и тот же фрагмент истории может быть представлен в различных реконструкциях. Тогда каждая из них выступает в качестве своего рода теоретической модели, претендующей на описание, понимание и объяснение исторической реальности. Они соперничают друг с другом, что

также не является экстраординарной ситуацией для науки.

Разумеется, существует специфика исторических реконструкций в естественных и социально-гуманитарных науках. Когда исследователь реконструирует те или иные фрагменты духовной истории, то он сталкивается с необходимостью понять соответствующий тип культурной традиции, который может быть радикально иным, чем его собственная культура. В этом случае на передний план выходят процедуры понимания, движения по герменевтическому кругу, когда

понимание многократно переходит от части к целому, а затем от целого к части, постигая особенности иной культурной традиции ⁸ .

Акты понимания и процедуры построения исторических реконструкций в гуманитарных науках (как впрочем и в естествознании) обусловлены принятой исследователем дисциплинарной онтологией, специальной научной картиной мира, которая вводит схему-образ изучаемой предметной области. Дискуссии относительно идеалов и норм исследования в "науках о духе"

во многом касаются способов построения такой картины и ее философского обоснования. Общими принципами, относительно которых явно или неявно уже достигнут консенсус в этих дискуссиях, выступают три фундаментальных положения: любые представления об обществе и человеке должны

41

учитывать историческое развитие, целостность социальной жизни и включенность сознания в социальные процессы. Указанные принципы очерчивают границы, в которых осуществляется построение

картин социальной реальности.

Их становление в качестве специфических образов социального мира, отличных от первоначально заимствованных из естествознания парадигмальных образцов, происходило во второй половине XIX-начале XX вв. В этот исторический период Спенсером, Марксом, Дильтеем, Дюркгеймом, Зиммелем, Вебером были предложены варианты дисциплинарных онтологии социально-гуманитарных наук. Хотя они и конкурировали между собой, определяя область допустимых задач и средств их решения, между ними

осуществлялось взаимодействие. Были общие проблемы, обсуждавшиеся всеми исследователями, хотя и с разных позиций. Каждый из них развивал свои представления об обществе, соотносясь с конкурирующими исследовательскими программами. Все это свидетельствовало о завершающем этапе научной революции, которая началась переносом естественнонаучных парадигм на область социальных процессов, а закончилась их перестройкой и формированием социально-гуманитарных дисциплин.

Но и после своего возникновения социально-гуманитарные дисциплины развиваются не только как сугубо автономные образования. Их взаимодействие с естественными науками продолжается, хотя уже на новых основаниях.

Во второй половине XX в., когда в различных областях науки и техники начинают активно осваиваться сложные саморазвивающиеся системы, возникает новая ситуация взаимодействия наук.

Саморазвивающиеся системы представляют собой особый тип

системных объектов. Они характеризуются открытостью, способностью порождать новые уровни своей организации, когда каждый уровень воздействует на ранее сложившиеся, преобразует их. Такие системы периодически проходят через состояние неустойчивости, фазовых переходов, которые могут быть описаны в терминах динамического хаоса. В этих состояниях возникают точки бифуркации, небольшие флуктуации могут породить странные аттракторы, которые определяют возможности дальнейшего развития системы. Предсказания поведения

системы - сценарные, существуют пространственно-временные окна прогнозирования, которые меняются при усложнении уровневой организации системы по мере ее развития. Процесс же такого развития может быть описан как смена типа саморегуляции системы, переход от одного типа саморегуляции к другому.

Обширный класс саморазвивающихся систем образуют так называемые чело-векоразмерные объекты — системы, включающие человека в качестве своего компонента. Среди объектов современного научного познания и технологического

освоения к человекообразным системам относятся большинство объектов современных биотехнологий (в первую очередь, генетической инженерии), крупные биогеоценозы и биосфера, большие компьютерные сети и глобальная сеть 1гГГЕК-НЕТ, многие системы современного технологического проектирования, когда проектируется уже не только машина, и даже не система "человек-машина", а еще более сложный развивающийся комплекс "человек-машина, плюс экосреда, в которую внедряется данная технология, плюс социокультурная среда,

принимаящая эту технологию".
Наконец, к типу человекообразных саморазвивающихся систем относятся все социальные объекты, рассмотренные в аспекте не только функционирования, но и развития.

Стратегии познания и деятельности с такими системами имеют целый ряд общих характеристик. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть этические регулятивы. Возникает необходимость экспликации связей внутринаучных ценностей (поиск истины, рост истинного знания) с вненауч-ными ценностями

общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях такая экспликация осуществляется при социально-этической экспертизе проектов и программ. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск и рост истинного

42

знания, постоянно и в явном виде соотносится с гуманическими ценностями. Исследование и технологическое освоение сложных, человекообразных, развивающихся систем сближает методологические стратегии естественных и

социально-гуманитарных наук. Резкое противопоставление наук о природе наукам о духе, которое имело основания в науке XIX столетия, по отношению к современной науке во многом утрачивает эти основания.

Примечания

¹ Позднее, уже во второй половине нашего столетия эту мысль развивал Т. Парсонс, рассматривая деньги как особый код культуры, "специализированный язык", а обращение денег как "отправление сообщений". (*Parsons T. Systems analysis; social systems / International Encyclopedia of the Social Science. N.Y., 1968*).

² *Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 455.*

³ Там же. С. 398.

⁴ Там же. С. 423.

⁵ Там же. С. 234.

⁶ *Фурье Ш. Избр. соч. М.-Л., 1951. Т. 1. С. 83-108.*

⁷ См.: *Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 282-299.*

⁸ См.: *Rorty P. Historiography of Philosophy: Four Genres / Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy. Cambridge etc., 1985. P. 67.*

